

Журнал "Искатель"

№ 02,1963

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж92

Ж92 Журнал "Искатель": № 02, 1963 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 448 с.

ISBN 978-5-458-66571-1

«Искатель» — советский, затем российский журнал, публикующий фантастические, приключенческие и детективные произведения, научно-популярные очерки, а также художественную и учебно-развивающую литературу для детей от 2 до 14 лет. Основан в 1961 году, в год столетнего юбилея журнала «Вокруг света», как литературное приложение к последнему. Был анонсирован в 1960 году, в ноябре 1960 года должен был выйти первый номер, который был отменен. В первом вышедшем номере журнала были опубликованы напутственные статьи Михаила Шолохова и Ивана Ефремова. До 1997 года выходил шесть раз в год, затем стал ежемесячным. С 1996 года — независимое издание.

ISBN 978-5-458-66571-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Владимир САКСОНОВ

ПОВЕСТЬ О ЮНГАХ

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

ВЛАДИМИР САКСОНОВ

ПОВЕСТЬ О ЮНГАХ

I

Я слышу как шумят сосны, — значит, проснулся. Крепко зажмуриваю глаза, пытаюсь опять провалиться в мягкий, теплый сон, и — ничего не могу поделаться! — жду: вот-вот заорет дневальный.

Сосны шумят и шумят... При сильных порывах ветра они словно тесней обступают палатку, потом отходят. Если с головой укрыться шинелью, их невнятный гул стихает.

— Подъем!

Ветер, торжествуя, гудит в соснах, совсем рядом скрипят их стволы; и теперь уж мне кажется, что я слышал это всю ночь.

И всю ночь видел во сне валун, похожий на тушу бегемота. Не думал я, что он такой большой, когда из-под земли выпер кусок его спины — холодный, гладкий, со следами от кирки. А потом... Хоть бы он треснул!

Глаза не открываю: такое чувство, что, если открою, сразу станет холодней. А зачем открывать? В палатке темно, тихо. До третьей команды вставать никто не собирается.

Правда, Железнов поднимется раньше всех. Это парень, который спит в правом

дальнем углу. Его фамилию я запомнил еще на Большой земле, во время переключки, и, наверное, потому, что у него такое...

— Выходи на физзарядку!

...такое лицо: все в оспинах, а подбородок тяжелый, тянет книзу. Смотрит Железнов всегда исподлобья.

Поспать бы!.. Пусть этот валун мне только снится. А то ведь он существует на самом деле — лежит, бегемотина, и ждет нас. На его спину наткнулся, конечно, я. Мне везет! Но потом и Железнов, копавший шагах в десяти от меня, буркнул: «Тут тоже...»

Мы еще не знали, что стоим на одном и том же валуне. У меня, правда, шевельнулось какое-то нехорошее предчувствие, когда Сахаров — а он копался у самого края котлована — крикнул: «Желающие изучать историю, ко мне! Ледниковый период... А я не занимался».

И стал колупать киркой совсем в другом месте.

...Вот теперь я засыпаю, да как!.. Сутки мог бы проспать.

— Приготовиться на завтрак!

Это и есть третья команда. Вокруг закопшились. А Железнов уже возвращается — ходил, значит, умываться. Он в нашей палатке один такой: по утрам умывается, а спит раздетый.

— Закаляется, — насмешливо шепчет мой сосед и высказывается вслух: — Нет уж, на Соловках спать надо во всем аттестате!

Сосед — Сахаров. Он закуривает — самокрутка лежит у него под подушкой с вечера, — и я вижу одну сторону его тонкого носа, щеку, настороженно расширенный злой глаз.

Надо вставать... И думать не о валуне, а про что-нибудь приятное. Например, про завтрак.

Вчера перед отбоем я сделал из своей «гражданской» рубашки новые портянки. Тоже приятно. Вот они, под матрацем, тепленькие!

— Выходи строиться!

Сахаров чертыхается. Я догадываюсь почему: шнурки кожаные, от сырости разбухают и не продеваются. У всех так. Но все молчат, а Сахаров молчать не может.

— Служба, — говорит он, — для нормально-го человека состояние ненормальное.

— Сидел бы дома, — тихо огрызается кто-то в темноте палатки.

Сахаров поднимает голову.

— А ты сиди там... таракан!

Строиться выходим на дорогу — целая рота заспанных юнцов в черных помятых шинелях и бескозырках без ленточек. Флотские ремни и ленточки нам еще не дали.

Мутный, зябкий рассвет сочится сквозь ветви сосен.

Впереди, справа вспыхивает карманный фонарик — политрук начинает читать сводку Совинформбюро: «В течение двадцатого сентября наши войска вели ожесточенные оборонительные бои...»

На поляне, неподалеку от дороги, врыты в землю наскоро сбитые столы и скамейки. Садимся по десять человек за стол. Девять пар глаз следят, как бачковой делит хлеб, масло и сахар. У меня бы, наверное, руки задрожали, будь я на его месте. А Сахаров даже глазом не

моргнет. Ловко у него получается: делит вроде поровну, а если сравнить, то моя порция — я сижу на другом конце скамейки — вдвое тоньше, чем у него!

Напротив меня — Железнов. У него горбушка такая же, как моя. Тот, кто поближе к бачковому, тот и выгадывает. И все молчат.

Я поднимаю глаза. Железнов смотрит на меня в упор.

— У тебя компас есть?

— Чего-о?

— Ну, компас. Обыкновенный...

Я только плечами пожимаю. Но когда он прячет половину своей горбушки в карман шинели, теряюсь окончательно: неужели наелся? Я бы сейчас мог проглотить таких горбушек... сколько? Но об этом тоже лучше не думать и, пока не подняли, с наслаждением прихлебываю пустой, но горячий, пахнущий дымом чай.

— Встать! Выходи строиться!

Опять голову направо, прямо... Поворот. Первый, тяжелый, как вздох, шаг роты.

Метрах в двадцати от дороги лес начинает спускаться к озеру и заметно редееет. Затапанная трава и щепки покрыты инеем. Если провести по щепкам ботинком, сразу можно увидеть, что они свежие.

Когда начали рыть котлованы для кубриков — так здесь называют землянки, — я обрадовался: думал, будет полегче, чем таскать тяжелые стволы сосен. Зря так думал. Земля мерзлая, твердая. Лопатой не возьмешь, надо киркой.

А что кирка? Стоим вот и смотрим на валун: чем такую бегемотину вытащишь?

Последние два дня всей сменой — двадцать пять человек — мы долбили вокруг этого валуна кирками. Обкопали его, выровняли землю. Теперь старшина (новый какой-то — они у нас часто меняются) послал за канатом.

— Ра-а-аз, два-а — взяли! Еще ра-аз — взяли!..

Что-то развеселились вокруг... Согрелись, наверное.

— Ра-аз, два-а — взяли!

— Пупок не надорви, — советует Сахаров.

Я опять в дураках: тяну, когда все уже только делают вид, что стараются. Стараться, конечно, незачем. Это и старшина понимает.

— Отставить, — говорит он.

И задумчиво трет щеку, словно решает, побриться ему или нет.

Канат соскальзывает с гладких боков валуна. Мы разбредаемся.

— Надо в другом месте копать, — вздыхает маленький лупоглазый юнга.

— Прыткий какой! — говорит Сахаров.

У «прыткого» шинель до пят, а бескозырка держится на оттопыренных ушах и сползает на нос.

— Я такую войну в детдоме видел. — Железнов приседает на корточки, берет два больших камня и стучит ими друг о друга. — Противотанковые рвы копали. Там хоть фронтом пахло. А тут...

— Искру высекаешь? — спрашивает Сахаров.

— Знал бы — в воспитанники подался, — бурчит Железнов.

— А ну, воинство, — говорит вдруг старшина, — тащи сухостой! Да побольше... Живо!

Минут через пять валун со всех сторон обложен кострами. А мы сидим на корточках с той стороны, где не дымно, греем ладони и блаженно щуримся. Ветер утих. Ели и сосны стоят молчаливо. Отражения облаков в озере похожи на рыхлый тающий снег. И мне начинает казаться, будто все это не настоящее, — со мной последнее время так часто бывает...

В прошлом году я отдыхал в пионерском лагере на Оке. И сейчас очень ясно вижу, как на утренней линейке под дробь барабанных палочек, вздрагивая, поднимается по мачте флаг. И то, что я уже вспоминаю, мне до сих пор все-таки намного ближе, понятнее, чем строй роты, гул соловецкого леса и темные палатки, в которых мы спим не раздеваясь. Только год назад я носил пионерский галстук, а теперь на мне черная шинель, я — юнга Военно-Морского Флота, а точнее говоря, пока просто рабочая единица на строительстве школы юнг — четверть лошадиной силы. Именно четверть. Вчера Сахаров перед отбо-